

**«Длинное детство» психологии. Сокровищница
гуманитарного (литературного) и
публицистического этапа развития
психологического знания**

**Прообразы психологов в романе Ф.М. Достоевского «Братья
Карамазовы»**

Нагорнова Наталья Анатольевна
ГУ ОПФР по Самарской области, Россия.
e-mail: nagornoffa@yandex.ru

Аннотация. Ф.М. Достоевский в своем романе «Братья Карамазовы» предвосхитил некоторые направления практической психологии задолго до их появления в том виде, в каком мы их знаем сегодня.

Ключевые слова: психологическая деятельность, прообразы, предвосхищение.

**Types of psychologists in F.M. Dostoevsky's "The Brothers
Karamazov"**

Nagornova Natalia Anatolievna
Pension Fund of the Russian Federation, Samara Region, Russia
e-mail: nagornoffa@yandex.ru

Abstract. F. M. Dostoyevsky in his novel "The Brothers Karamazov" anticipated some of the directions of practical psychology long before they appear in the form which we know them today.

Keywords: psychological activity, types, anticipation.

*«В одной из своих лекций Мамардашвили говорил, что он рассматривает художественную литературу и поэзию как экспериментальную психологию»
(В.П. Зинченко).*

Читая роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», каждый интерпретирует его по-своему. Заранее соглашаюсь, что моя трактовка обусловлена моим погружением в профессиональную деятельность, и взгляд мой преломлен через практическую психологию, как через призму.

Роман психологичен, раскрывает и показывает переживания героев, дает представление об их мотивации, подробно описывает процессы их рефлексии, эмоциональное состояние, пути их духовного развития. Он пронизан такими словами, как «психология», «психологичный», «психологическое объяснение», «психологические характеристики», «психология на всех парах», «психология – палка о двух концах». И в некоторых героях – в их поступках, деятельности, развитии мыслей, способе восприятия действительности и влияния на окружающую жизнь – мне увиделись прообразы психологов.

Действие романа происходит в 70-80-е годы XIX века. В эту пору психология как научная дисциплина только зарождалась, постепенно выделяясь из соответствующих областей философии, медицины, точных наук. Роман был дописан в 1880 году, а в 1879 году В. Вундт открыл первую в мире психологическую лабораторию (что считается годом рождения психологии как науки). Гораздо позже - в начале XX века - происходит бурный рост сразу нескольких направлений в психологии (психоанализ, бихевиоризм, гештальтпсихология, психодиагностика, социальная психология, когнитивная, гуманистическая, трансперсональная, инженерная, др.). Семейное консультирование стало активно развиваться во 2 половине XX века.

Таким образом, описывая в своем романе деятельность некоторых своих героев, Ф.М. Достоевский предвосхитил, на мой взгляд, некоторые направления практической психологии задолго до их появления в том виде, в каком мы их знаем сегодня. Герои эти – Алеша Карамазов и его духовный наставник старец Зосима.

Сначала о старце Зосиме.

Образ старца Зосимы, по моим ощущениям, перекликается с архетипическим образом старца, описанного К.Г. Юнгом в 1942 г.: «Фигура мудрого старца ... берет на себя роль гуру, духовного учителя. Старец-мудрец появляется в снах в облике волшебника, доктора, священника, учителя, профессора, дедушки или кого-либо еще, обладающего авторитетом» [5].

И вот как описывает образ старца Ф.М. Достоевский в романе: «Старец - это берущий вашу душу, вашу волю в свою душу и в свою волю. ... Изобретение это, то есть старчество, — не теоретическое, а выведено на Востоке из практики, в наше время уже тысячелетней. Обязанности к старцу не то, что обыкновенное «послушание», всегда бывшее и в наших русских монастырях. Тут признается вечная исповедь всех подвигающихся старцу и неразрушимая связь между связавшим и связанным» [2, Т. 1, С. 56].

Старец Зосима по содержанию осуществляет психологическую практическую деятельность – встречается с прихожанами, приходящими к нему с потребностью понять, разобраться в своей текущей ситуации, в своих чувствах – «сердце разобрать», и даже излечиться. Излечения старцем приходящих больных происходили при полной мобилизации веры и желания исцеления самих прихожан в момент катарсиса – с помощью особого настроя, как при плацебо: «... сотрясение, вызванное ожиданием непрямого чуда исцеления и самую полную верой в то, что оно совершится. И оно совершалось хотя бы только на одну минуту. Точно так же оно и теперь совершилось, едва лишь старец накрыл больную эпитрахилью» [2, Т. 1, С. 80]. То есть, то, что сейчас практикуется с помощью гипноза, медитаций, внушения.

Помимо практической, одной из составляющей частей работы психолога является просветительство, разъяснение понятий, которые важны для людей. Этим старец Зосима тоже занимается, он разъясняет приходящим к нему людям такие понятия, как ложь, обида, горе, любовь, смысл жизни, свобода, др. Приведу некоторые примеры.

Ложь – «Главное, самому себе не лгите. Лгущий самому себе и собственную ложь свою слушающий до того доходит, что уж никакой правды ни в себе, ни кругом не различает, а стало быть, входит в неуважение и к себе и к другим. Не уважая же никого, перестает любить, а чтобы, не имея любви, занять себя и развлечь, предается страстям и грубым сладостям и доходит совсем до скотства в пороках своих, а все от непрерывной лжи и людям и себе самому» [2, Т. 1, С. 76].

Обида - «... обидеться иногда очень приятно, не так ли? И ведь знает человек, что никто не обидел его, а что он сам себе обиду навывдумал и налгал для красоты, сам преувеличил, чтобы картину создать, к слову привязался и из горошинки сделал гору, — знает сам это, а все-таки самый первый обижается, обижается до приятности, до ощущения большого удовольствия, а тем самым доходит и до вражды истинной» [2, Т. 1, С. 76].

Горе – «Есть в народе горе молчаливое и многотерпеливое; оно уходит в себя и молчит. Но есть горе и надорванное: оно пробьется раз слезами и с той

минуты уходит в причитывания. Это особенно у женщин. Но не легче оно молчаливого горя. Причитания утешают тут лишь тем, что еще более растрavляют и надрывают сердце. Такое горе и утешения не желает, чувством своей неутолимости питается. Причитания лишь потребность раздражать беспрерывно рану» [2, Т.1, С. 81].

Свобода - «Нет ничего обольстительнее для человека, как свобода его совести, но нет ничего и мучительнее» [2, Т. 1, С. 329]; «свободным сердцем должен был человек решать впредь сам, что добро и что зло, имея лишь в руководстве твой образ пред собою, — но неужели ты не подумал, что он отвергнет же наконец и оспорит даже и твой образ и твою правду, если его угнетут таким страшным бременем, как свобода выбора?» [2, Т. 1, С. 329].

Сцены бесед старца с верующими воспринимаются как прообраз семейного консультирования. Есть и прообраз организации им групповой работы: «Собери он у себя раз в неделю, в вечерний час, сначала лишь только хоть деток, — прослышат отцы, и отцы приходиться начнут. Да и не хоромы же строить для сего дела, а просто к себе в избу прими; не страшись, не изгадят они твою избу, ведь всего-то на час один собираешь. Разверни-ка он им эту книгу и начни читать без премудрых слов и без чванства, без возношения над ними, а умиленно и кротко, сам радуясь тому, что читаешь им и что они тебя слушают и понимают тебя, сам любя словеса сии, изредка лишь остановись и растолкуй иное непонятное простолюдину слово, не беспокойся, поймут все, все поймет православное сердце!» [2, Т. 1 С. 374].

В романе описаны сомнения, неудовлетворенность старца Зосимы, свойственные любому психологу. «Словно игла острая прошла мне всю душу насквозь. ... «Да, стою ли», — вскочило мне вдруг в голову» [2, Т. 1, С. 380]. Такой же метафорический символ появления смысла мы читаем у Лакана, который «сравнивал появление смысла с внезапным появлением на поверхности острия швейной иглы, пронизывающей и соединяющей несколько слоев прожитого» [4].

Старец Зосима рассказывает о своих пиковых переживаниях – «моментах величайшей зрелости, индивидуации, реализации [3]: «Хотел я и еще продолжать, да не смог, дух даже у меня захватило, сладостно, юно так, а в сердце такое счастье, какого и не ощущал никогда во всю жизнь» [2, Т. 1, С. 382]. Такие моменты свойственны, по мнению А.Маслоу, людям, реализующим свой потенциал, стоящим на высших ступенях самоактуализации, синтезирующим различные жизненные противоречия.

Особый взгляд на человека позволяет старцу относиться с взаимным доверием к тем, кто оступился и утратил веру в людей: «Все время, как он

говорил это, глядел я ему прямо в лицо и вдруг ощутил к нему сильнейшую доверенность, а кроме того, и необычайное и с моей стороны любопытство, ибо почувствовал, что есть у него в душе какая-то своя особая тайна» [2, Т.1, С.385].

Зосима вступает в непростые отношения с преступником, как психолог, погружается в длительную терапию, иногда балансируя на грани жизни и смерти, преодолевая этапы мощнейшего сопротивления и спасая тем самым пропащую душу оступившегося: «А помнишь ли, как я к тебе тогда в другой раз пришел, в полночь! Еще запомнить тебе велел? Знаешь ли, для чего я входил? Я ведь убить тебя приходил! Я так и вздрогнул. — Вышел я тогда от тебя во мрак, бродил по улицам и боролся с собою. И вдруг возненавидел тебя до того, что едва сердце вынесло» [2, Т. 1, С. 396].

«И не то чтоб я боялся, что ты донесешь (не было и мысли о сем), но думаю: «Как я стану глядеть на него, если не донесу на себя?» И хотя бы ты был за тридевять земель, но жив, все равно, невыносима эта мысль, что ты жив и все знаешь, и меня судишь. Возненавидел я тебя, будто ты всему причиной и всему виноват. Воротился я к тебе тогда, помню, что у тебя на столе лежит кинжал. Я сел и тебя сесть попросил, и целую минуту думал. Если б я убил тебя, то все равно бы погиб за это убийство, хотя бы и не объявил о прежнем преступлении. Но о сем я не думал вовсе и думать не хотел в ту минуту. Я только тебя ненавидел и отомстить тебе желал изо всех сил за все. Но господь мой поборол диавола в моем сердце» [2, Т.1, С. 397].

Сегодня среди пользователей социальных сетей популярны мотивационные психологические цитаты и афоризмы. К примеру, такая популярная фраза: «Увижу - поверю» — сказал человек. «Поверишь - увидишь» — сказала Вселенная», то же у современного американского писателя Н.Д. Уолша: «Некоторые говорят: «пока не увижу, не поверю!» А я говорю тебе: «пока не поверишь, не увидишь!» У Ф.М. Достоевского мы читаем в словах Зосимы: «В реалисте вера не от чуда рождается, а чудо от веры. Если реалист раз поверит, то он именно по реализму своему должен непременно допустить и чудо. Апостол Фома объявил, что не поверит, прежде чем не увидит, а когда увидел, сказал: «Господь мой и бог мой!» Чудо ли заставило его уверовать? Вероятнее всего, что нет, а уверовал он лишь единственно потому, что желал уверовать и, может быть, уже веровал вполне, в тайнике существа своего, даже еще тогда, когда произносил: «Не поверю, пока не увижу» [2, Т.1, С. 54].

Теперь об Алексее.

По словам А. Суворина, писатель планировал после монастыря сделать Алешу революционером [1, С. 117-120]. Тем не менее, в романе мне он

представляется именно психологом – принимающим, понимающим, помогающим. О том, что Алексей Карамазов – главный герой повествования, для меня определилось буквально с первых слов романа: «Алексей Федорович Карамазов...» - эти первые, не считая эпиграфа, слова на меня воздействовали, как настрой на главного героя романа, как прайминг.

Автор в романе пишет от своего имени об Алеше: «...скажу мое полное мнение: был он просто ранний человеколюбец, и если ударился на монастырскую дорогу, то потому только, что в то время она одна поразила его и представила ему, так сказать, идеал исхода рвавшейся из мрака мирской злобы к свету любви души его» [2, Т. 1, С 46], «характер любви его был всегда деятельный. Любить пассивно он не мог; возлюбив, он тотчас же принимался и помогать» [2, Т. 1, С. 246].

Особое отношение автора к Алеше мне видится и в эпизоде, когда женщина, схоронившая четырех сыновей, не может смириться с потерей именно последнего сыночка: «Трех первых схоронила я, не жалела я их очень-то, а этого последнего схоронила и забыть его не могу» » [2, Т. 1, С. 81]. И звали того младенчика Алексеем. Здесь я ощутила созвучие с тем моим чувством, когда, прочитав в романе о четырех сыновьях Федора Карамазова, в душе моей так же незабвенным остался только один из них - Алексей (Карамазов).

Деятельность Алеши, как психолога, просматривается в том, как неутомимо, моментально откликаясь, с искренним и живым интересом он ходит по всем, кто в нем нуждается, выслушивая, наблюдая, размышляя, не превышая своих прав и возможностей. Все с ним охотно говорят, поверяют ему тайны, делятся секретами. И делает он это все, как опытный психолог – без нажима, без наставлений и нравоучений, не нарушая ничьих личных границ, в основном, отвечая лишь на то, о чем его спрашивают и просят – «по запросу».

Красноречивый эпизод, когда к нему обращаются с поручением – передать сообщение с эмоциональным контекстом, со всеми нюансами и оттенками смысла: «я была вчера и сегодня утром несчастна, недоумеваю, как я напишу им это ужасное письмо... потому что в письме этого никак, ни за что не передашь... Теперь же мне легко будет написать, потому что вы там у них будете налицо и все объясните » [2, Т. 1, С. 251].

Алеша принимал людей такими, какие они есть, и это раскрывало их, укрепляло веру в себя: «Не знаю я, не ведаю, ничего не ведаю, что он мне такое сказал, сердцу сказало, сердце он мне перевернул... Пожалел он меня первый, единый, вот что!» [2, Т. 2, С. 42] – радовалась Грушенька. Он приходил к

согласию с братом Митей: «Все, что истинно и прекрасно, всегда полно всепрощения» [2, Т. 2, С. 46].

И так же, как и наставнику его старцу Зосиме, Алеше дано переживать пиковое состояние: «Полная восторгом душа его жаждала свободы, места, широты. Над ним широко, необозримо опрокинулся небесный купол, полный тихих сияющих звезд. С зенита до горизонта двоился еще неясный Млечный Путь. Свежая и тихая до неподвижности ночь облегла землю. Белые башни и золотые главы собора сверкали на яхонтовом небе. Осенние роскошные цветы в клумбах около дома заснули до утра. Тишина земная как бы сливалась с небесною, тайна земная соприкасалась со звездною... Алеша стоял, смотрел и вдруг как подкошенный повергся на землю» [2, Т. 2, С. 48].

Алеше свойственна прозорливость знатока человеческих душ: он понял степень участия брата Ивана в убийстве отца, распознал его болезнь и печальный исход; в истории с Илюшей – понимал, что значил для больного мальчика приход Коли Красоткина, осознавал, что Коля запоздал со своим приходом, ясно видел, что Илюшу не спасти.

Позиция Алеши, как и у психолога: при общении с человеком в критическом состоянии его первая автоматическая реакция – присоединение, как в сцене разговора с Иваном: «Расстрелять! — тихо проговорил Алеша, с бледною, перекосившеюся какою-то улыбкой подняв взор на брата» [2, Т. 1, С. 314]. А после, из общей единой позиции – постепенный разбор ситуации: «Я сказал нелепость, но...» [2, Т. 1, С. 315].

В заключительной сцене романа показана психолого-педагогическая роль Алеши: в минуту волнения и наивысшего сосредоточения своих душевных сил, одухотворения – сфокусировать внимание собравшихся мальчиков на этом состоянии, закрепить его в памяти и использовать это запоминание как фундамент укрепленного духа и нравственных начал: «Знайте же, что ничего нет выше, и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное еще из детства, из родительского дома. Вам много говорят про воспитание ваше, а вот какое-нибудь этакое прекрасное, святое воспоминание, сохраненное с детства, может быть, самое лучшее воспитание и есть. Если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасен человек на всю жизнь. И даже если и одно только хорошее воспоминание при нас останется в нашем сердце, то и то может послужить когда-нибудь нам во спасение» [2, Т. 2, С. 522].

Почему из всех братьев Карамазовых именно Алеша стал таким – чистым, всепрощающим, несущим тепло и свет? Возможно, был и у него свой

«фундамент» из запоминаний, который он пытался закрепить и у мальчиков, так как знал о его спасительном и поддерживающем свойстве.

Я нахожу ответ в романе следующий: это - результат ранней безусловной материнской любви, с которой Алеша оказался знаком, ощутил ее, запомнил: «... оставшись после матери всего лишь по четвертому году, он запомнил ее потом на всю жизнь, ее лицо, ее ласки, «точно как будто она стоит предо мной живая». Такие воспоминания могут запоминаться (и это всем известно) даже и из более раннего возраста, даже с двухлетнего, но лишь выступая всю жизнь как бы светлыми точками из мрака, как бы вырванным уголком из огромной картины, которая вся погасла и исчезла, кроме этого только уголочка. Так точно было и с ним: он запомнил один вечер, летний, тихий, отворенное окно, косые лучи заходящего солнца (косые-то лучи и запомнились всего более), в комнате в углу образ, пред ним зажженную лампадку, а пред образом на коленях рыдающую как в истерике, со взвизгиваниями и вскрикиваниями, мать свою, схватившую его в обе руки, обнявшую его крепко до боли и молящую за него Богородицу, протягивающую его из объятий своих обеими руками к образу как бы под покров Богородице... и вдруг вбегают нянька и вырывает его у нее в испуге. Вот картина! Алеша запомнил в тот миг и лицо своей матери: он говорил, что оно было иступленное, но прекрасное, судя по тому, сколько мог он припомнить.» [2, Т. 1, С. 45].

И как результат - великодушие и притягательность, безоценочное отношение к любому человеку: «Но людей он любил: он, казалось, всю жизнь жил, совершенно веря в людей, а между тем никто и никогда не считал его ни простячком, ни наивным человеком. Что-то было в нем, что говорило и внушало (да и всю жизнь потом), что он не хочет быть судьей людей, что он не захочет взять на себя осуждения и ни за что не осудит. Казалось даже, что он все допускал, нимало не осуждая, хотя часто очень горько грустя. Мало того, в этом смысле он до того дошел, что его никто не мог ни удивить, ни испугать, и это даже в самой ранней своей молодости» [2, Т. 1, С. 46].

Такое же детское воспоминание закрепилось и у Зосимы: «Из дома родительского вынес я лишь драгоценные воспоминания, ибо нет драгоценнее воспоминаний у человека, как от первого детства его в доме родительском, и это почти всегда так, если даже в семействе хоть только чуть-чуть любовь да союз. Да и от самого дурного семейства могут сохраниться воспоминания драгоценные, если только сама душа твоя способна искать драгоценное» [2, Т. 1, С. 371].

Это, на мой взгляд, является важным жизненным обстоятельством обоих этих героев – старца Зосимы и Алеши Карамазова, позволившим им обладать

такими свойствами, качествами и личностными характеристиками, которые интуитивно, по зову сердца вывели их на путь, по которому через много лет будут следовать практикующие психологи.

Список литературы

1. Альтман М.С. Достоевский. По вехам имен. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1975. 280 с.
2. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. В 2 томах. М.: Правда, 1991.
3. Маслоу А. Пиковые переживания. URL: http://flogiston.ru/library/maslow_2
4. Шутценбергер А.А. Синдром предков. М.: 2001. С. 240.
5. Юнг К.Г. Дух Меркурий. URL: https://royallib.com/read/gustav_yung/duh_merkuriy.html#0

References:

1. Al'tman M.S. Dostoevskij. Po vecham imen. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1975. 280 s.
2. Dostoevskij F.M. Brat'ja Karamazovy. V 2 tomah. M.: Pravda, 1991
3. Maslou A. Pikovye perezhivanija. URL: http://flogiston.ru/library/maslow_2
4. Shutcenberger A.A. Sindrom predkov. M.: 2001. S. 240.
5. Jung K.G. Duh Merkurij. URL: https://royallib.com/read/gustav_yung/duh_merkuriy.html#0

Сведения об авторе:

Нагорнова Наталья Анатольевна, кандидат психологических наук, психолог, ГУ ОПФР по Самарской области (Самара, Россия).